

Литература:

1. Тюрин, Г.В. Кто будет развивать местные сообщества / Г.В. Тюрин // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: Сб. науч. ст. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2010.

ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ И САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

А.И. Левко, г. Минск, Беларусь

Относительно философии давно и прочно утвердилось представление как об одной из разновидностей рефлексивной мыследеятельности, выраженной в познании в виде логики рассуждений и умозаключений, обретающих форму различных научных концепций и теорий. Традиция такого ее видения восходит еще ко времени жизни Платона. «При нем, - как отмечал, – немецкий философ, глава баденской школы неокантианства Вильгельм Видельбанд(1848 –1915), – культурный идеал человечества – придать своей жизни определенный образ при помощи науки – нашло свое воплощение в виде образа для всех времен... Эта историческая позиция Платона основана на том, что свои убеждения о сущности, ценности и цели науки – убеждения, проникающие во всю его жизнь и его учение, – он развил и творил, исходя из потребности и нужд греческого мира» [1, с. 365]

Платон и его последователи, как полагал Виндельбанд, и не подозревали, что ничто, в том числе и наука, не остается неизменным и что изменения эти заключены в самом развивающемся обществе. Для каждой исторической эпохи характер свой тип рациональности, основанный на той или иной системе ценностей. А сама история есть ни что иное, как процесс осознания и воплощения ценностей.

Менее распространенным является представление о философии, как учении об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру, включающую в себя не только гносеологию (учение о познании), но и аксиологию, и праксиологию, или учения о ценностях и основах нашего бытия (социально-культурной практики). Оно появилось лишь в конце XIX начале XX столетия в эпоху научно-технического прогресса, но по мере его углубления незаметно отошло как бы на задний план и даже стало вступать в противоречие с его основами. По этой причине само учение о бытии, за исключением экзистенциализма и феноменологии, чаще всего до сих пор трактуется как «логос» или как составная часть теории отражения. Сама мыследеятельность в одном случае представляется как исключительно теоретическая или научная деятельность, критерием истинности которой выступает, противостоящая субъекту познания практика. Во втором – мыследеятельность фактически отождествляется с

социально-культурной практикой. Речь идет не только о неокантианстве и неогегелианстве, но и современной философской системно-мыследеятельной методологии. В одном и другом случае роль ценностей в современной культуре до сих пор явно недооценивается. Сама же культура при этом чаще всего представляется как что-то внешнее по отношению к человеку и его самосознанию. С большим трудом при таких подходах дается осознание того факта, что культура это не только то, что нам противостоит в качестве объективной реальности, но и то, что является неотъемлемой частью нас самих, нашего собственного «Я» нашего внутреннего духовного мира, нашей индивидуальности и нашей личности и степени проявления свободы ее воли. Ведь неразрывная связь между существующей социально-культурной практикой и нашим самосознанием, с одной стороны, а также между самосознанием и свободой воли личности – с другой, носит далеко не явный характер, как и то, что сама существующая социально-культурная практика - неотделима от нашей творческой созидательной деятельности, нашей субъективности. Не случайно еще древние греки познание самого себя считали важнейшей философской проблемой, которая сегодня имеет не только познавательное, но и практическое значение в связи с развитием, как инновационных технологий, так и гражданского общества. Иное дело, что древние греки еще не связывали философию с социальными ценностями, считая ее выражением любознания самого познающего субъекта. Аксиология как философская дисциплина сформировалась достаточно поздно и еще позже стала достоянием и марксистско-ленинской философии, традиции которой унаследованы на постсоветском пространстве. "Представители господствовавшей в СССР версии марксистской философии отвергали само понятие ценности как "буржуазное" и считали аксиологию идеалистическим учением (как впрочем, и философскую антропологию, и культурологию - все, что выходило за пределы теории познания, к которой сводился диалектический материализм, и содержания исторического материализма, трактованного как "общая социология".

Воспитывавшийся у нескольких поколений советских философов примитивный рационализм и однобокий гносеологизм преодолевались с большим трудом – во всяком случае, ни в одном университете нашей страны до сих пор нет кафедры аксиологии, в новых учебниках по философии, написанных в последние годы, проблема ценности по-прежнему отсутствует, отданная "на откуп" этике и эстетике;..." [2, с .7].

Как следствие отечественная философия столкнулась к настоящему времени с неразрешимыми проблемами свободы и творчества, сознания и самосознания личности, которые в эпоху постиндустриального или информационного общества становятся ключевыми факторами общественного развития. Мы сегодня с трудом представляем себе, что

широко импортируемые с Запада педагогические и другие практико-ориентированные технологии, как и «новации» в области науки и образования, есть своеобразный результат философской рационалистической традиции и нежелания что-либо менять в этой области. Еще сложнее дело обстоит с формированием самосознания личности и, прежде всего профессионального самосознания, без которого на серьезные успехи ни в экономической, ни в политической областях рассчитывать не приходится.

Самосознание немислимо вне ценностно-смыслового отношения к миру, вне осознания себя как части социально-культурного бытия, вне духовно-практического освоения мира и свободы самореализации. Оно, прежде всего, социально-культурный феномен, имеющий ценностно-нормативную, а не логико-рациональную основу, а потому трансформируется по мере трансформации самой культуры, ее смыслов и значений, а не вслед за изменением социальной структуры общества, его социальных институтов. Субъект-объектные отношения, на которых основана познавательная деятельность, не есть нечто само собой разумеющееся. Чтобы выделить себя из мира, прежде всего надо идентифицировать себя с ним, определить свое место и роль в его развитии, сделав соответствующий духовно-нравственный выбор. Чаще всего это не только не происходит вслед за изменением объективных условий, но и значительно затруднено в связи с изменением ценностных критериев. Стремление же господствовать над этими условиями за счет сознательного использования закономерностей природы в собственных прагматических целях обычно оборачивается потерей субъективности личности, превращением ее в элемент социальной системы и потерей ее самосознания. Деперсонализация человека происходит вместе с прогрессом рационалистического мышления, осознания силы власти и денег и потерей чувства внутреннего достоинства. Она во многом закрепляется существующей системой образования, ориентируемой на основы наук, исходя из представления о человеке как существе разумном уже по своей природе или как образе и подобия Бога. Однако самосознание человека как образ и подобие Бога разительно отличается от самосознания человека, определяемого его общественной значимостью и реальными социальными ролями или естественными потребностями и способностями. Оно неразрывно связано с его волей и творческими способностями, с внешним и внутренним принуждением и законодательством.

Как отмечал все тот же Вильгельм Виндельбанд, являющийся одним из основоположников западной аксиологии, «проблема свободы в бесконечно разнообразных вариантах повсюду вырастает из этого сознательного законодательства, которому подчинена наша повседневная

жизнь: законодательства принужденного и естественного процесса и законодательства долженствования и идеального предпочтения. Лишь начиная с того времени, когда возникло представление о божественном велении и о грехе как его нарушении, когда была осознана противоположность между естественным и божественным порядком лишь тогда возникла проблема свободы» [1, с. 184]. Этому способствовала, по его мнению, прерывающая естественную необходимость форма психической жизни, которая привила чувство величия. Эта проблема коренится в чувстве ответственности. Объективному мировоззрению проблема свободы известна только с ее моральной стороны. В этой области каждый осознает, что существует система предписаний, которые он должен выполнять и от которых он в большей или меньшей степени уклоняется в своем действительном волеии и поведении. Однако, прежде всего, необходимо указать на то, что народным массам доступно в этой области было лишь чувство ответственности под действием наших гражданских учреждений, с одной стороны, и религиозных убеждений – с другой, оно сравнимо с чувством страха перед неприятными последствиями, выраженными в гражданском осуждении. Стоило было потерять это чувство, и свобода превращалась в безответственность и произвол. Не по этой ли причине борьба с коррупцией и другими должностными преступлениями превращается в неразрешимую проблему, возрастающую как снежный ком по мере ориентации на прагматический интерес и по мере замены элементов общественного самоуправления практикой классического менеджмента.

Истоки существующих экономических, политических и социальных проблем коренятся в самой существующей социально-культурной практике и состоянии самосознания народа, ориентируемого на ту или иную систему социальных ценностей, которые могут формироваться как спонтанно, так и целенаправленно. Однако, к сожалению, существующая государственная идеология, которая призвана регулировать данный процесс, пока не выходит за рамки традиционного рационализма и глобализма. Ценности современной культуры и их трансформация не находятся в эпицентре ее внимания. Отсюда и соответствующая ее эффективность.

Литература:

1. Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. – М.: Юрист, 1995.
2. Коган, М.С. Философская теория ценностей / М.С. Коган. – Санкт-Петербург: ТОО ТК "Петрополис", 1997.